

А. А. Златопольская*

ВОСПРИЯТИЕ ВОЗЗРЕНИЙ Ж.-Ж. РУССО И МОНТЕСКЬЕ В РУССКОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА И ТРАДИЦИИ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ**

В статье рассматривается восприятие идей Руссо и Монтескье в конце XIX — начала XX века в свете традиций русской мысли эпохи Просвещения, то есть второй половины XVIII — начала XIX века. Показывается, что теория Руссо более абстрактна, теория же Монтескье базируется на конкретном историческом материале. В XVIII — начале XIX века мыслители часто сближают идеи Руссо и Монтескье, однако, как правило, отрицают руссоистскую идею суверенитета народа и договора ассоциации. В конце XIX — начале XX века русские либералы начинают признавать руссоистскую идею суверенитета народа, сочетая ее с идеями Монтескье, прежде всего с идеей народного представительства и равновесия властей. В связи с этим ими решается центральная проблема теории Ж.-Ж. Руссо — проблема общей воли.

Ключевые слова: Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, русская мысль, демократия, аристократия, монархия, общественный договор, общая воля, равновесие властей.

A. A. Zlatopolskaya

PERCEPTION OF THE VIEWS OF J.-J. ROUSSEAU AND MONTESQUIEU IN RUSSIAN THOUGHT OF THE LATE 19 — EARLY 20 CENTURY AND THE TRADITIONS OF THE ENLIGHTENMENT

The article examines the perception of Rousseau and Montesquieu's ideas in the late 19 — early 20 century in the light of the traditions of Russian thought of the Enlightenment era, that is, the second half of the 18 — early 19 century. It is shown that Rousseau's theory is more abstract, while Montesquieu's theory is based on concrete historical material. In the eighteenth and early nineteenth centuries, thinkers often brought together the ideas of Rousseau

---

* Златопольская Алла Августовна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Российская национальная библиотека; azlatopolskaia@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00247 «Монтескье в отечественной и мировой философии и культуре: история и современность».

and Montesquieu, but generally rejected Rousseau's idea of the sovereignty of the people and the treaty of association. In the late nineteenth and early twentieth centuries, Russian liberals began to recognize the Rousseist idea of the sovereignty of the people, combining it with the ideas of Montesquieu, primarily with the idea of popular representation and the balance of power. In this regard, they solve the central problem of the theory of Rousseau is the problem of the general will.

Keywords: Montesquieu, J.-J. Rousseau, Russian thought, democracy, aristocracy, monarchy, social contract, general will, balance of power.

Восприятие воззрений Жан-Жака Руссо и Монтескье связано с эпохой Просвещения в России, со второй половиной XVIII — началом XIX в., но в то же время интерес к воззрениям этих мыслителей характерен и для конца XIX — начала XX в., времени коренных перемен в России, времени русских революций.

Можно выделить две интерпретации общественного договора. Интерпретация общественного договора как договора подчинения народа правителю характерна для большинства просветителей, в том числе Монтескье. Руссо же понимал общественный договор как договор народа с самим собой, договор ассоциации. Верховная власть, суверенитет при этом полностью принадлежит народу. Монтескье же полагал, что договор ассоциации, суверенитет народа характеризует только такую форму правления как демократия. Общими с Монтескье у Руссо являются понятия «демократия», «аристократия», «монархия». Если Руссо весьма скептически относится к такой форме правления как монархия, то для Монтескье эта форма — одна из наилучших.

Однако концепция народного суверенитета Ж.-Ж. Руссо противоречива. С одной стороны, Руссо отталкивается от интересов личности, требует ее освобождения, а с другой, для Руссо добродетель гражданина может возникнуть только при подавлении естественных склонностей. Государство «общей воли» для Руссо есть «политическое тело», гражданин должен подчиняться общей воле как своей собственной. Это противоречие «женивский гражданин» видит и пытается разрешить ссылкой на то, что государство народного суверенитета образовано в результате договора ассоциации, следовательно, и его законы — воплощение общей воли — выражают действительно свободную волю индивида, его подлинные интересы, в отличие от интересов сиюминутных, неподлинных. Однако здесь Руссо подстерегает новая трудность. Частные интересы отдельных людей часто не совпадают с интересами целого, частная воля отнюдь не всегда совпадает с общей. Даже все вместе люди не всегда выбирают свои коренные, подлинные интересы, тем более могут не распознать их те, кто только что сбросил цепи рабства и не имеет привычки к свободе, кто непросвещен и не знает, что такое истинная свобода и действительная воля народа. В связи с этим Руссо различает «общую волю», выражающую действительные интересы народа, и «волю всех», выступающую лишь суммой частных волеизъявлений и характеризующую только какие-либо настроения толпы. В основе законов лежит общая воля народа. В результате попыток дать критерий различения общей воли и воли всех Руссо приходит к мысли о необходимости для народа законодателя, который сверхъестественным образом видит действительно общую волю народа и благодаря этому творит законы данного государства. И хотя Руссо оговаривает, что принимает эти законы,

в конечном счете, народ-суверен, безусловно, фигура законодателя противоречит концепции народного суверенитета.

Русские мыслители XVIII — начала XIX в. в большинстве своем воспринимают общественный договор не в качестве договора ассоциации, как у Руссо, а в качестве договора подчинения народа правителю.

Для обоснования договора подчинения народа правителю использовались идеи Монтескье, пример здесь подала императрица в своем «Наказе». По Монтескье, для монархии и аристократической республики характерен договор подчинения народа правителю или нескольким семействам, которые выступают в качестве правителя.

В словарях начала XIX в., которые транслируют в статьях воззрения, близкие к официальным и распространенные в обществе, в словарных статьях, посвященных различным образам правления, явственно влияние идей Монтескье. Так в «Новом словотолкователе» Н. М. Яновского в статье, посвященной монархии, власть монарха, как и у Монтескье, ограничена законами. В то же время, Н. М. Яновский, синонимом монархии считает слово «самодержавие», как и в «Наказе» Екатерины: «Монархия — Единодержавие, самодержавие, единоначалие, единовластие; образ правления, в котором одна особа, имеющая титул Императора или Короля, управляет по установленным и непререваемым законам» [17, стб. 843].

В словарной статье «Республика» Яновский прямо ссылается на Монтескье, причем он говорит о «парадоксе Монтескье», на который ссылались мыслители и в XX в.

Яновский пишет:

В аристократиях народ, в отношении к дворянам, есть то, что подданные в отношении к Монарху. Целое тело народа или дворянства, избирают между собою известное число членов для составления Совета или Сената, коему они вверяют право самодержавия. Народ, говорит Г. Монтескю, удивителен в избрании тех, кому он должен вверить часть своей власти; но в состоянии ли он вести какое либо дело, знать места, случаи. время для употребления оных в пользу? Нет; он того не в состоянии сделать [18, стб. 550].

Довольно часто русские мыслители используют для обоснования правомерности монархии идеи Руссо и Монтескье, сближая их.

Ярким примером такого сближения являются воззрения Я. П. Козельского.

Находясь под влиянием Гельвеция, Козельский подчеркивает, что люди действуют прежде всего ради своего интереса. Поэтому они и заключают общественный договор. Как и Руссо, Козельский считает, что договор заключается с согласия всех договаривающихся, что он может быть расторгнут. Но, несмотря на демократические моменты в трактовке общественного договора, Козельский считает его договором подчинения. И, в противоречии со своей собственной трактовкой общественного договора, он затем утверждает, ссылаясь на Руссо, но в действительности полностью искажая его мысль, что

господин Руссо говорит между людьми повеление одного и послушание сперва начало получили свое от силы, а потом, как они уже к тому привыкли, то для

возможного благополучия человеческого рода остается правящим его судьбою основывать свои действия на праведных и верноисполняемых договорах [6, с. 80].

В понимании форм исполнительной власти он также опирается на учение Руссо. Перечисляя эти формы, приведенные Руссо в «Общественном договоре», Козельский, исходя из особенностей понимания им общественного договора как договора между правителем и народом, где народ подчиняется правителю, сближает определение этих форм, данное Руссо, с определением Монтескье. Тем самым, суверенитетом народ обладает лишь при демократической форме правления, как у Монтескье, к которой Козельский относится явно неодобрительно. Для больших областей Козельский, ссылаясь на Монтескье, (но, безусловно, имея в виду и Руссо), считает необходимым установление монархии. Козельский, в согласии с Монтескье и Руссо, считает, что монархической является та власть, где государь правит в соответствии с законами, но в отличие от Руссо, эти законы не вырабатываются народом.

Подлинно демократическое истолкование общественного договора как договора ассоциации, а не подчинения, дал А. Н. Радищев.

В середине XIX в. в среде русских либералов концепция общественного договора Ж.-Ж. Руссо отнюдь не была популярна, гораздо популярнее было учение Монтескье.

Например, Б. Н. Чичерин отмечает, что, наделяя членов общества политическими правами, Руссо отрицает личные права и свободы. Народное целое, узурпируя власть, не дает никакой гарантии против нарушения личных прав. Отвергая теорию народного суверенитета, Чичерин, в русле либерального направления русской общественной мысли предпочитает Руссо Монтескье. Он полагает, что все граждане отнюдь не должны обладать политическими правами, «политическая свобода не составляет неотъемлемого права народа» [16, с. 33]. государства отнюдь не обязательно должны быть основаны на народном суверенитете и общественном договоре, монархия отнюдь не основана на народном суверенитете.

С 80-х годов XIX в. в России начинается углубленное научное историко-философское изучение идей Руссо. Изучение идей «женевского гражданина» ведется, опираясь на достижения зарубежных, прежде всего, французских ученых. Но российские исследователи отнюдь не ученики, они внесли, начиная с 80-х годов XIX в., серьезный вклад в исследование руссоизма. Достаточно назвать А. С. Алексеева, который впервые опубликовал первый набросок «Общественного договора» Руссо в оригинале на французском языке в приложении к своим «Этюдам о Руссо» [1]. Французский ученый Э. Дрейфюс-Бризак сделал это только в 1896 г. Большой вклад в изучение социально-политических взглядов Руссо внесли русские историки и философы права, социологи: П. И. Новгородцев, В. М. Гессен, М. М. Ковалевский.

Растет интерес и к социально-политическим воззрениям Монтескье, что связано с требованиями ограничения самодержавия, конституционной монархии, прежде всего в либеральной среде.

В 1900 г. вышел полный перевод главного произведения Монтескье «О духе законов» с предисловием М. М. Ковалевского [8]. Впервые после Первой русской

революции появляются печатные переводы «Общественного договора» Ж.-Ж. Руссо, которые не издавались ранее по цензурным причинам [11, 12, 13, 14].

У истоков специального историко-философского изучения концепции и идей Руссо стоит русский историк Владимир Иванович Герье. В своей статье «Понятие о народе у Руссо» [3] он рассматривает это понятие как фокус для исследования концепции Руссо в ее целостности и противоречиях, показывает истоки этой концепции.

Для Герье центральным понятием руссоистской концепции народного суверенитета является понятие «общей воли». Это понятие, как отмечает Герье, имеет своим истоком господствовавший со времен Декарта во Франции рационализм, а также государственную централизацию.

Однако «общая воля», по Герье, понятие противоречивое. Основное противоречие в понятии общей воли, это, как уже было указано Б. Н. Чичериным, противоречие между этатизмом и анархизмом. В. И. Герье развивает эту мысль Чичерина [3, с. 350–353; ср. 15, с. 274–275]. Для Герье понятие общественного договора и общей воли — образец рационалистической конструкции, оторванной от действительности. «Представление о народе у Руссо взято не из истории и не из наблюдений над жизнью, — оно придумано для того, чтобы служить опорой для рационалистического построения общества и перенесения государственной власти от легитимной династии на другой орган» [3, с. 288].

Воплощением общей воли народа, по Герье, является монарх.

Если в XVIII — первой половине XIX в. признание народного суверенитета было характерно для мыслителей, которые придерживались радикально-демократических взглядов, то к концу XIX — началу XX в. концепция народного суверенитета разделяется и представителями либеральных кругов.

В связи с этим П. И. Новгородцев выступает против идеи Герье о монархе как воплощении общей воли.

П. И. Новгородцев высоко ценит исследование В. И. Герье политических идей Руссо, выявление противоречивости понятия общей, народной воли. Однако он не согласен с тем, что все эти противоречия разрешаются обращением к монарху как воплощению народной воли.

Этот взгляд на разрешение проблемы народной воли, предполагая за монархом счастливое свойство быть постоянным представителем этой воли, в сущности лишь заменяет патриархальный романтизм Руссо романтизмом феодальным: там и здесь воля народа представляется как готовый плод его жизни, который непосредственно дается тем, кто предназначен его хранить. Народу в идеальном смысле противопоставляется здесь монархия в идеальном смысле, причем совершенно упускается из виду, что если монархия и должна служить символом народного единства, то это единство не есть неизменное достояние жизни, ключи от которого находятся в руках монарха: там, где оно есть, оно имеет характер подвижного равновесия, в разные моменты колеблющегося туда и сюда и вечно ищущего для себя нового выражения [9, с. 36–37].

Мыслителями конца XIX — начала XX в. Монтескье довольно часто сравнивается с Руссо. М. М. Ковалевский считает, что Руссо и Монтескье оба придерживаются принципа разделения властей. Ему возражает А. С. Алексеев. Руссо и Монтескье придерживаются принципа обособления, разделения

властей, однако Руссо, в отличие от Монтескье отнюдь не придерживается теории равновесия властей. Как пишет А. С. Алексеев,

Руссо, как и Монтескье, различает власть законодательную и власть правительственную и, признавая их разнородность, считает нужным, подобно автору «Духа законов», поручать их и разнородным органам. Но Руссо, во имя безусловного господства народной воли, как источника законов, признает верховной властью власть законодательную, принадлежащую народу, в правительственной же власти видит подчиненную функцию, отправление которой должно быть поручено подзаконным органам, учреждаемым народом-сувереном, от него получающим свои полномочия и действующим под его надзором. По учению же Монтескье, верховенство столько же проявляется в законодательной власти, сколько и в правительственной власти. Обе эти власти равноправны и равносильны; ни одна из них не подчинена другой и обе, вращаясь свободно и независимо в сфере своей компетенции, своими полномочиями умеряют и ограничивают друг друга [2, с. 98].

Такой же точки зрения придерживается В. М. Гессен. Он отмечает:

Политическая теория Руссо категорически и безусловно отвергает идею равновесия властей; в этом отношении она диаметрально противоположна теории Монтескье. Но в то же время, подобно Монтескье, Руссо категорически настаивает на необходимости обособления властей: законодательная власть должна принадлежать народу, правительственная — аристократическому собранию, или монарху [4, с. 98].

Подробное сравнение взглядов Руссо и Монтескье дает в своей работе «Введение в философию права. Кризис современного правосознания» П. И. Новгородцев.

Новгородцев так же, как и Алексеев опровергает взгляды М. М. Ковалевского на полное тождество концепции Руссо и Монтескье. По Новгородцеву, Руссо также не отрицал принципа разделения властей, однако не был приверженцем концепции их равновесия [9, с. 52].

Он отмечает, что если для Руссо центральным понятием является понятие общей воли народа, общественного договора, то для Монтескье понятие общей воли используется гораздо более редко, и это понятие не общей воли народа, а общей воли государства.

Новгородцев показывает значение концепции общей воли Руссо для развития политической и правовой мысли, правосознания.

Теория народного суверенитета и связанная с ней теория общей воли в своем историческом происхождении были противопоставлены идее независимости власти от общественного мнения. идее власти милостью Божией. Практическое значение доктрины Руссо становится для нас особенно понятным, когда мы противопоставляем ее учению монархического абсолютизма. Странники абсолютизма, как, например, Боссюэ, считали единственной гарантией законности страх Божий, ответственность монарха перед Богом; какие-либо ограничения власти со стороны народа, со стороны человеческих учреждений и законов они признавали излишними и даже невозможными. Вот этому взгляду и является противоположной доктрина «Общественного договора». Руссо требовал не только подчинения, но и слияния власти с народом. Он не видел возможно-

сти осуществить справедливые законы иначе, как через народ, через господство народной воли. Юридическим выражением этого взгляда и явилась теория народного суверенитета. Надо сделать так, чтобы народная воля была суверенной, чтобы голос народа был неизменным источником всех властей и законов. Для того, чтобы быть справедливой, верховная власть должна совпадать с народом так, чтобы каждый гражданин в одно и то же время и властвовал, и подчинялся и чтобы все пребывали в неизменной гармонии общих воззрений [9, с. 160].

Для Новгородцева общая воля не может быть дана, формирование общей воли — это бесконечный процесс. Как пишет он в своей работе «Об общественном идеале»,

Мысль о непогрешимом единстве общей воли должна быть оставлена, как вовсе неосуществимая. Она должна уступить место идеалу свободного образования и выражения отдельных волей, взаимодействие которых служит лучшей порукой их стремления к истине. Центр тяжести переносится таким образом с общественной гармонии на личную свободу [10, с. 517–518].

В основе государства, по Монтескье, лежит справедливость, а не общественный договор и общая воля народа.

Законодательная власть в учении Монтескье является не общей волей народа, а общей волей государства (*la volonté générale de l'État*). Поэтому выражать эту волю должны те, кто к этому более способен, и так, как это более полезно для государства. Нужды нет, что можно указать порядок, при котором «слово депутатов более выражало бы голос народа», если с точки зрения государственной это недопустимо, следует предпочесть этому порядку иной, чтобы не пострадал ход государственных дел и не потерпела ущерба «сила нации». «Необходимо, чтобы дела шли, — говорит Монтескье в другом месте, — и чтобы они шли известным ходом — ни слишком медленным, ни слишком быстрым. Но народ всегда проявляет слишком много деятельности, или слишком мало. Иногда сотней тысяч рук он опрокидывает все; а иногда сотней тысяч ног он движется как насекомые [9, с. 55].

Новгородцев отмечает, что в отличие от Руссо, Монтескье полагает, что важную роль в государстве играет представительная система. Руссо же полагал, что народ, который выбирает представителей — не свободен. Выражать общую волю государства должно не все население, а тот, кто к этому наиболее способен. И вот парадокс, по Новгородцеву: у Монтескье народ не может составлять законы, но может выбрать тех, кто эти законы производит:

Нельзя не видеть особенностей этой точки зрения, которая признает за народом умение ценить заслуги и различать способности, но не считает народ в массе способным к законодательству и управлению. Вера в непосредственную правду народа здесь заменяется совершенно другой верой, в чутье народа к лицам, в его умение выбирать способных людей и вместе с тем в политическую мудрость представительства. Это была точка зрения, совершенно отличная от той, которую защищал Руссо [9, с. 56].

В эпоху Французской революции деятели этой революции сочетали идеи таких разных мыслителей как Монтескье и Руссо:

<...> они удержали, в качестве верховного лозунга, идею Руссо — понятие народного суверенитета, общей воли народа, но органом выражения общей воли, но органом выражения общей воли, согласно учению Монтескье и повинуюсь практическим условиям жизни, они признали народное представительство. От Монтескье они взяли его практическую идею, но с этой идеей они соединили веру Руссо в непогрешимость и правду народной воли [9, с. 56].

С несколько другой стороны сравнивал теории Руссо и Монтескье К. А. Кузнецов в своей книге «Идея современного общества и государства», которая вышла в Одессе в первые послереволюционные годы. До революции и в первые послереволюционные годы К. А. Кузнецов занимался историей политических и правовых учений. В дальнейшем, в годы советской власти он стал известным музыковедом, специалистом по истории музыки, к изучению истории политических учений более не возвращался. Кузнецов говорит о «монтескианстве» Руссо, то есть о влиянии внешних условий на законы и законодателя [7, с. 28], и в то же время подчеркивает, что очень важно найти элементы «руссоизма» у Монтескье, так как Монтескье — человек XVIII века [7, с. 29].

Для Монтескье большое воздействие на законы данной страны имеет климат, однако его влияние не фатально, очень большое влияние имеет искусство законодателя, как и у Руссо.

Если право способно в различной степени отражать на себе влияние быта, в зависимости от искусства законодателя, то и можно говорить о хороших или же плохих законодателях: природа же — вне подобных расценок <...>

Никто иной не сумел до Монтескье подчеркнуть столь отчетливо связь правопорядка и конкретных условий «места», страны, народа. Но вместе с тем было бы несправедливо, если бы эту связь вздумали представлять себе как некоторый гнетущий рок, действующий со всею слепой неизбывностью. Наоборот, подобная связь весьма условна и растяжима: моральное усилие способно ослабить ее весьма энергично, добиваться правопорядка как бы вопреки «местным условиям» [7, с. 30, 31].

Близкой точки зрения на воззрения Монтескье придерживается М. М. Ковалевский в своем предисловии к «Духу законов» Монтескье, изданном в 1900 г. С одной стороны, для Монтескье существует своеобразное «примирение с действительностью», влияние внешних факторов очень велико, почти фатально. Ковалевский пишет:

Если в основе всех общественных отношений лежит необходимость, если все они разумны, то задача исследователя, очевидно, сводится не к выдумке новых еще более совершенных порядков, а к раскрытию той внутренней связи, какая существует между теми, которые присущи данной нации. Источник этих порядков, положительные законы, должны в такой мере приходиться к народу, у которого они действуют, что только в редких случаях их можно привить другому. Но такое соответствие мыслимо только в том случае, когда они отвечают природе и жизненному принципу действующего у данного народа правительства, когда они согласованы с физическими условиями страны, с климатом... [5, с. IV]

Но, с другой стороны, политические учреждения могут ослабить это влияние.

Чем ближе знакомишься с текстом Духа Законов, тем более убеждаешься в том, что мысль Монтескье постоянно переходила от теории воздействия климата на дух народный и соответственно на нравы и учреждения к учению об успешной борьбе законодателя с природными факторами [5, с. XLIX].

Подводит итог сравнению концепции Руссо и концепции Монтескье В. М. Гессен в своем фундаментальном труде «Основы конституционного права».

Впервые им ясно и отчетливо сформулировано отличие в понимании общественного договора у Руссо и Монтескье — для Руссо это договор ассоциации, для Монтескье — договор подчинения.

Как и Новгородцев, Гессен подчеркивает, что народ не может творить законы, но может избирать представителей, которые осуществляют законодательную власть:

Народ не способен законодательствовать, но он удивительно умеет выбирать тех, кому он должен доверить известную часть своего авторитета. ибо выбор его определяется такими обстоятельствами, которых он не может не знать и такими фактами, которые бросаются в глаза.

Законодательная власть должна осуществляться представительством, — и это представительство должно иметь выборный характер. Монтескье понимает, что только представительство выборное является действительно представительством народа [4, с. 92].

Однако теория представительства у Монтескье содержит в себе противоречие:

Атомистическое воззрение на народ как на сумму однородных и равных друг другу индивидов органически чуждо Монтескье. <...> И народное представительство Монтескье понимает не столько как народное сколько как корпоративное представительство построенное отчасти на сословном, отчасти на территориальном начале [4, с. 93].

Таким образом, представители русской либеральной мысли продолжают традиции XVIII — начала XIX в., сближая воззрения Руссо и Монтескье, но в отличие от большинства мыслителей этого периода они признают руссоистскую идею суверенитета народа, сочетая ее с воззрениями Монтескье. Как точно высказался В. М. Гессен, «Из элементов учения Монтескье и Руссо революционная эпоха создает современную теорию народного представительства» [4, с. 101].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. С. Этюды о Ж.-Ж. Руссо. — Т. 1–2. — М.: А. Л. Васильев, 1887.
2. Алексеев А. С. Политическая доктрина Руссо // Вестник права. — 1905. — № 3. — С. 97–123.
3. Герье В. И. Понятие о народе у Руссо // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra. — СПб.: Изд-во РХГА, 2005. — С. 281–362.

4. Гессен В. М. Основы конституционного права. — Пг.: Издание юридического книжного склада «Право», 1917.
5. Ковалевский М. М. Дух законов // Монтескье Ш. Л. О духе законов. — СПб., 1900. — С. I–XCI.
6. Козельский Я. П. Философические предложения // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra. — СПб.: Изд-во РХГА, 2005. — С. 80–83.
7. Кузнецов К. А. Идея современного общества и государства. — [Одесса]: Гносис, 1919.
8. Монтескье Ш. Л. О духе законов. — СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1900.
9. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. — М.: Наука, 1996.
10. Новгородцев П. И. Об общественном идеале // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra. — СПб.: Изд-во РХГА, 2005. — С. 514–518.
11. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Начала политического права / пер. с фр. Френкеля под ред. и с предисл. А. К. Дживелегова. — М.: Тип. Вильде; Книгоизд-во «Труд и Воля», 1906.
12. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Начала политического права / пер. Л. Неманова под ред. Д. Е. Жуковского. — СПб.: Изд-во Д. Е. Жуковского, 1907.
13. Руссо Ж.-Ж. Общественный договор / пер. с фр. В. Ютанова. — [М.]: Изд-во П. Плохова, 1906.
14. Руссо Ж.-Ж. Общественный договор, или Принципы государственного права [Отрывок из «Исповеди»] / полный пер. с фр. С. Нестеровой под ред. и с предисл. П. Когана. — [М.:] Изд. С. Скирмунта, [1906].
15. Чичерин Б. Н. История политических учений // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra. — СПб.: Изд-во РХГА, 2005. — С. 236–276.
16. Чичерин Б. Н. О народном представительстве. — М.: Тип. Грачева и К, °1866.
17. Яновский Н. М. Новый словотолкователь. — Ч. 2. — СПб.: Тип. при Императорской Академии наук, 1804.
18. Яновский Н. М. Новый словотолкователь. — Ч. 3. — СПб.: Тип. при Императорской Академии наук, 1806.